

The illustration depicts a young man with dark hair and light-colored eyes, looking upwards. He is positioned as if he is underwater, with a horizontal line representing the water surface. Above the surface, several white birds are shown in flight against a dark, textured background. Below the surface, bubbles are visible around the man's face. He is wearing a red jacket. The overall color palette is dark with highlights of red and white.

18+

СОН ИЛИ
РЕАЛЬНОСТЬ —
РЕШАТЬ
ТОЛЬКО ТЕБЕ.

МИХАИЛ ХАЛЕЦКИЙ
ПОГРУЖЕНИЕ

Михаил Халецкий

Погружение

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-313.2 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Халецкий М.

Погружение / М. Халецкий — «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-121710-5

Марк – молодой преподаватель английского. Он решает глубже проникнуться биографией Эдгара По и ради этого начинает практиковать осознанные сновидения. Через эту методику он хочет сделать то, что в обычной жизни ему недоступно: послушать «Ворона» в авторском прочтении, заглянуть за кулисы написания знаковых работ Эдгара, узнать тайну смерти великого писателя. Однако последствия заигрывания с собственным сознанием оказываются непредсказуемыми.

УДК 821.111-313.2 (73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121710-5

© Халецкий М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Халецкий

Погружение

*Посвящается моим родителям, Алексею и Наталье.
Спасибо, что привили мне любовь к книгам.*

Пролог

Не могу поверить, что делюсь с вами всем, что случилось за ту мартовскую неделю. Мне не приходится ничего приукрашивать – все происходило в точности так, как я описываю.

В то же время я не уверен, что могу полностью положиться на надежность собственного разума – прочитав эту рукопись, вы поймете, почему. Тем не менее я записывал все так детально, как только мог.

Перед вами – все, что я пережил в те роковые семь суток. Так начнем!

Глава 1

Понедельник

Вы любите книги про личную эффективность?

Я – очень. Обожаю узнавать про новые вариации всяческих GTD-систем¹. Какие только методики я на себя не примерял: и технику Pomodoro² (начиная с дефолтных и заканчивая полуторачасовыми блоками); и мини-дедлайны; и осознанность; и драконовскую систему, по которой нужно вкалывать *ежесекундно*, не расслабляясь... Затем маятник качнулся в другую сторону – я стал больше себе позволять, наслаждаться каждым моментом.

В итоге мой подход эволюционировал до точки эквilibriumа: я осознал, что истина где-то посередине. Надо не забывать как про активность, так и про периодическую необходимость продохнуть, подышать, насладиться моментом – *carpe diem*, вот это все. А уж с чашкой любимого кофе наслаждаться моментом как никогда просто. Впрочем, сначала его нужно заварить.

Я сладко потягиваюсь, похрустев суставами, отбрасываю одеяло и выбираюсь из кровати. Слегка пошатываясь, топаю до ванной и умываюсь холодной водой. Из зеркала на меня смотрит сонный парень двадцати пяти лет. Смотрит – и уходит на кухню.

Кипяток с характерным бульканьем заливается в большую белую чашку с надписью «MY OWN BEST BOSS». Подхватываю ее за ручку и отправляюсь в комнату – к ноутбуку. Период безумно активной работы оставим на потом. Сейчас же пора взяться за просмотр одного из свеженьких TED-talks. Та-а-к, что там сегодня на главной?

Выбор пал на старину Тони Роббинса – этот двухметровый верзила с суперскоростной речью умудряется так замотивировать на новые свершения, что уже сам себя не узнаешь. Кстати, любопытно: если бы он приехал выступать к нам в Россию, то сыпал бы со сцены банальными истинами или же вложил бы в оригинальную программу? Наверное, я никогда этого не узнаю.

Перед тем как сесть за просмотр, надо сделать один звонок.

Боже мой, как давно я не видел Катю! Как давно она не приезжала. Нет, все-таки отношения на расстоянии – штука непростая. Надо было отговорить ее от этого универа. Ведь и у нас в городе – даром что всего пятьсот тысяч человек жителей – тоже есть сносные медицинские училища. Так нет же, Москву ей подавай.

Отношения на расстоянии, подумать только!

Гудок, другой.

– С добрым утром, солнце. Проспался-таки?

– Ха-ха, очень смешно.

– Ты время видел? Так всю жизнь проспидишь, соня.

Слышу ее нежное обращение и не могу злиться.

– Ладно, ладно, буду учиться вставать пораньше... Ну как ты там? Готовишься? Вчера не засиделась?

Мы созванивались ночью, и она еще планировала зубрить.

– Ну до двух просидела. Строение мозга, сегодня обещали тест.

– Готова?

– Угу.

¹ Getting Things Done, GTD (в переводе с англ. – «доведение дел до завершения») – методика повышения личной эффективности и одноименная книга бизнес-тренера Дэвида Аллена.

² Метод «Помидора» – техника управления временем, которая предполагает разбиение задач на 25-минутные периоды («помидоры») с короткими перерывами.

– Вот и отлично, – призадумываюсь на секунду и представляю, как она сидит сейчас на кровати в общежитии. – Скажи, у тебя *точно* не получится пораньше приехать?

– О-ох, родной, как бы я этого хотела... Но, боюсь, никак. Помнишь, мы обсуждали, что на втором курсе должно быть получше? Так нет же, они еще больше нас нагружают! Я сама жутко недовольна, но...

Сейчас она скажет: *«Представь, если бы твой врач учился так же, как ты»*.

– Представь если бы твой врач учился так же, как ты.

– Да-да-да, помню я эту твою присказку.

– Ну вот...

– Как скажешь. Я тебя очень люблю.

– И я тебя. Слушай, мне пора собираться.

– Э-эм, конечно-конечно. Понимаю... Целую.

– И я тебя. Пока.

Не было.

Никогда, за все три года наших отношений не было, чтобы она взяла и прервала разговор из-за учебы.

Можно подумать, будто я преувеличиваю, но как-то раз во время нашего разговора Катю чуть не сбили на перекрестке. Тогда я сурово отчитал ее за невнимательность, но она все равно настаивала на своем. И даже после той опасной ситуации она все равно всегда общалась со мной подолгу и практически никогда не клала трубку. А тут...

Видать, и вправду сильно нагрузили по учебе. Ну ничего, она у меня сильная.

Справится.

А меня ждет исполин, который сам себя уже разбудил.

* * *

Разобравшись с Тони, я продолжаю серфить сеть и натываюсь на статью об осознанных сновидениях. Волнующая тема. Пускай некоторые не видят снов вообще, я отношусь к тем, у кого это получается – и довольно часто. Быстро пробежав текст глазами и отметив пару интересных идей, я отправляю статью в закладки, чтобы вернуться к ней позже. Глянув на часы, понимаю: пора выезжать.

Выхожу в гостиную. Шагаю к большому окну, чтобы оценить погоду. Приложения в телефоне – это отлично, но тело не обманешь: лучше уж потратить чуть больше времени, открыть окошко и кожей почувствовать легкий ветерок или солнце. Мне повезло: вот уже который день на улице тепло.

Возвращаюсь в комнату, надеваю джинсы и синюю рубашку. Проверяю все окна, обуваюсь. Выхожу из квартиры, поспешно сбегаю по ступенькам с третьего на первый и, широко распахнув подъездную дверь, ныряю в мир. Потратив несколько секунд на то, чтобы дать глазам привыкнуть к яркому весеннему солнцу, и немного пожмурившись, направляюсь в сторону остановки.

Покидаю двор, перехожу маленькую дорогу. Справа – ЗАГС.

Может, именно в нем нам с Катей суждено?..

Ан нет, помню, сколько цыган вьется возле этого ЗАГСа... Пожалуй, мы выберем место покрасивее. И все равно надо будет просить товарищей, чтоб держали оцепление вокруг молодых – так, на всякий.

На остановке – почти никого. Утренняя давка давно закончилась, а до вечерней еще далеко. На привычном месте, дожидаясь будто бы именно меня, стоит желтая «газель». Согнувшись в три погибели и пробравшись внутрь, передаю деньги за проезд и устраиваюсь в дальней части салона, чтобы ничто не отвлекало от чтения.

К слову о чтении... Самое время дочитать ту статью из закладок. Открываю текст, начинаю вникать. Автор попытался разобраться в теме осознанных сновидений. Все, что происходит у нас в мозгу во время сна – моя тема. Хлебом не корми – дай посудачить про быстрые и медленные фазы, влияние недосыпа на здоровье, достаточное количество часов... Но все равно мои познания и в четверть не так глубоки, как у старого моего друга Жени – кстати, надо бы с ним пересечься на днях, давно не виделись. Может, и расспрошу его заодно, стоит ли вообще заморачиваться по теме осознанных, подумать только, сновидений...

А чего я, собственно, мнусь?

Сегодня понедельник. Подходящий день, чтобы стартануть какой-то новый проект, попробовать что-нибудь новое со своим телом и разумом. В данном случае – разумом. Самым ценным, что есть у человека.

Та-а-ак-с, а что за инфа у нас есть в статье? «Бла-бла-бла, вы сможете сделать то, чего никогда раньше не делали, побывать там, где не можете побывать в реальной жизни, пообщаться с теми людьми...»

Маленькая мартышка в моей голове лихорадочно бьет лапкой по металлическому звонку – а над ней гигантскими неоновыми буквами сияет: «BINGO!»

Прогуляться по Карловому мосту с Кафкой. Проплыть на «Снарке» с Джеком Лондоном. Покутить в грязных московских барах с Есениным. Пообщаться о литературной критике с Эдгаром По...

Да, пожалуй с Аллановича и начну.

А. Я не говорил?..

Вот уже несколько лет я жуть как проникся ЖЗЛ-ами писателей. Возможно, та любовь к литературе, которую во мне с детства воспитывали родители-интеллигенты, наконец нашла воплощение. Есть и другой вариант: сейчас интернет пестрит цитатами Бродского, Есенина, Кафки – и, быть может, мне просто хочется быть на волне и знать чуточку больше, чем все остальные?.. Не знаю. Так или иначе, мне интересны их жизни. Время от времени я захожу в книжный, набираю себе по несколько томиков каждого из авторов и с упоением растворяюсь как и в их произведениях, так и в их биографиях. Ну как, растворяюсь... На самом деле просто окуна...

Да что такое! Опять остановку проехал. Тоже мне, мечтатель хренов. Эдак и опоздать недолго.

– На «Заводе» остановочку, будьте добры.

Выбираюсь из маршрутки, ускоряюсь и почти вприпрыжку несусь к офисному центру. На энном этаже безликого серого куба – частная школа английского, в которой я добросовестно тружусь уже пару лет. Урок совсем скоро, путь – близкий, поэтому буду краток.

Я – ленивая задница. Единственное, в чем я проявляю хоть какую-то последовательность – так это в регулярности, с которой мои попытки изучить того или иного писателя терпят крах. Я не могу полностью разобраться с биографией ни одного автора...

Несусь, как студент на лекцию – даже неловко.

...С библиографией то же самое: только-только начинаю скрести ноготком по творчеству одного, как тут же переключаюсь на другого. А потом жутко из-за этого расстраиваюсь...

Я у порога крутой лестницы. Вбегаю по ступенькам, перепрыгивая через одну.

...Так, может, вот он? Мой шанс? Если статья не врет, то... Мы не ищем легких путей!..

– Здравствуйте, Тамара Ивановна! – бросаю женщине, спрятавшейся за плексигласовой перегородкой, и прохожу турникет.

– И тебе не хворать.

Если хоть одно рабочее утро пройдет без этой ее фразочки, я, наверное, правда, тут же слягу.

Уверенно двигаюсь к лифту.

...*Да, надо как минимум попробовать. И что характерно – в статье речь идет об общении с теми людьми, о которых вы будто бы что-то уже знаете. Никаких вам переселений души, чакр и всего в этом роде – голая психология.*

ДИНЬ.

Мой этаж. Выхожу из лифта, поворачиваю за угол – вот и кабинеты нашей школы.

«English breaks», – как вам?

...*Решено. Попробую. Сегодня же.*

* * *

А сейчас – самое время для клиентуры.

Надо сказать, что работа с людьми для меня – удовольствие.

Я – преподаватель английского.

Школа – одна из лучших в городе. И это не копирайтерские банальности или пресловутая солидарность. Я успел пообщаться с учениками конкурентов, и все они признавали, что «English breaks» – the best of the best of the best. Хотя нет ничего трудного в том, чтобы обставить школу, где ученика заставляют в качестве домашнего задания переводить Диккенса. Переводить. Диккенса. Нет, ну что за бред? Зачем вынуждать людей, которые пришли учиться разговаривать на английском, переводить с этого языка такие объемы?

А ведь ученики-то были ответственные – ночами не спали, все думали: «Вот он! Мой путь к овладению языком! Еще чуть-чуть – и заговорю!» Да ничего подобного. С таким подходом – разве что чуть лучше начнете понимать по-английски... Да и то не факт. А уж *говорить* точно не научитесь.

Система-то по-другому работает.

Как в The Elder Scrolls. Играли? Когда был популярен Morrowind, я еще пешком под стол ходил, но вот вышел Oblivion – и я не только наигрался всласть, но и вынес оттуда простейший прием, смоделированный разработчиками с реальной жизни. И уж в ней-то он срабатывает с поразительной безукоризненностью.

Какой именно прием?

Приведу пример из игрового мира Oblivion: вы – главный герой – хотите научиться стрельбе из лука. Что для этого нужно? Стрелять. Из лука. Не кастовать файерболы. Не махать двуручной булавой. А стрелять из лука. И с каждым, скажем, пятидесятым выстрелом ваш навык будет повышаться на один пункт. А если хотя бы половина выпущенных стрел будет реально поражать врагов – так и того быстрее.

Так же и с английским. Хотите научиться на нем разговаривать? Начните на нем *разговаривать*.

При этом количество людей (раньше – друзей и знакомых, теперь – учеников на пробных занятиях), которые будто под копирку повторяют один за другим: «Вы знаете, Марк, я – как та собака: все понимаю, но не говорю» – просто огромно. А ведь для первого шага достаточно чуть-чуть пообщаться. Обменяться простейшими фразами – и все будет.

Этим мы с «сестрами» – о них чуть позже – и займемся.

Вы можете подумать: с чего это я пустился в столь пространные рассуждения, когда еще несколько минут назад боялся опоздать на урок, стремглав несся к офису и обещал быть кратким?

Все просто: я успел как раз вовремя, поприветствовал сидящую за длинным серым столом группу учеников (несколько человек, все больше подростки) и тут же выдал заранее рас-

печатанный тест по очередному юниту. Вот они и сидят, пишут. Покусывают ручки, трут лбы – думают. У одного так вообще кончик языка время от времени наружу выглядывает – так стареется, бедолага. Сегодня у нас модальный глагол can и несколько других конструкций. Пускай строчат помаленьку. При этом они знают: время – на вес золота, дополнительных секунд я не дам. Ни единой. Я просто не понимаю преподавателей, которые позволяют ученикам засиживаться подолгу – нет стимула мощнее, чем ограничение по времени. А потому я только рад дать им возможность разогнать мозги до максимума.

Так, на чем я там остановился?

Ах да, Oblivion! Прекрасное было время. А какие задания «Темное братство» выдавало! Помню, спускаюсь я к ним в святилище...

* * *

После группы Elementary и пары индивидуальных занятий я закрываю кабинет и иду в нашу импровизированную учительскую. По-хорошему, это всего-навсего небольшой уголок, состоящий из шкафа с учебниками и расходниками и полукруглой стойки, где хранятся наши отчетные листы и печенье на перекус.

Неровным почерком заполняю поля с именами, датой и длительностью занятий. Расписываюсь в каждой строке. Собираю вещи, накидываю куртку, запираю учительскую и выхожу из здания.

Перед тем как сделать первый шаг вниз по ступенькам, прикрываю глаза, слегка приподнимаю подбородок и глубоко вдыхаю. Свежесть весеннего вечера набивает мой мозг эндорфинами и сводит с ума. Ради таких моментов хочется жить.

Что сделает этот миг еще лучше? Эмоциональная подсветка соул-треками из «Awesome mix vol.1». Здесь, кстати, еще один бонус для всех, кто занимается английским: ты можешь подпевать любимым исполнителям – в конце концов, ты же и вправду знаешь, о чем они поют. «YES, I LIKE PINA COLADAS! AND GET CAUGHT IN THE RAIN!»

Такое чувство, будто каждая клеточка тела звенит, поет, ликует. С таким саундтреком ты не идешь по жизни – ты буквально *летишь*. Удача вновь на моей стороне: стоит подойти к дороге, как рядом тормозит нужная маршрутка.

* * *

– Мам, пап, я дома, – заявляю с порога.

– Сынок, проходи ужинать! – откликается мама из кухни.

– Иду-иду.

Семейная идиллия, не находите? Как реклама с обложки. За тем лишь исключением, что мне, оболтусу, уже двадцать пять. Но так-то идиллия. На самом деле она и есть. У меня хорошие отношения с родителями, и мне однозначно с ними безумно повезло. Когда в подростковом возрасте я бушевал максимализмом, они смиренно терпели мои выкрутасы и по-доброму успокаивали, если приходилось. Помогли с выбором вуза... И по-прежнему, вот, кормят. И кров дают. По-прежнему.

Только не смотрите на меня косо: мы откладываем. Большая часть на первый взнос уже есть, осталось только дособрать оставшееся и определиться с банком. Ну это потом, потом.

Пожинав сочными сардельками с толченой картошечкой, я отправляюсь в свою комнату. Только переступив ее порог, я разворачиваюсь на пятках и закрываю дверь.

Отлично.

Время работы над осознанными сновидениями.

Но прежде надо созвониться с Катей.

«Би-и-ип. Би-и-ип. Би-и-ип».

Хм. Наверное, принимает душ. Или телефон разрядился.

Я возвращаюсь к своему развлечению на вечер. Но пока я готовлюсь, пока штудирую дополнительные статьи и видео на ютубе, пока перечитываю в сотый раз По, ничего не меняется: Катя трубку не берет. Надеюсь, у нее все в порядке.

Ладно, надо попробовать лечь пораньше. Главное – я и в кровать беру сборник рассказов, читаю парочку перед сном. В очередной раз трясусь за героя «Колодца и маятника», угодившего в лапы испанской инквизиции. Позволяю *сердцу-обличителю* сдать полиции нас обоих (и меня, и персонажа). Ну и немного зависаю в Википедии. Как я успел убедиться на собственном опыте, впечатления, которые мозг получает перед сном, зачастую особенно ярко всплывают во время сновидений.

Итак. Согласно статье, шаг первый – сконцентрировать на чем-то взгляд. Однако мне концентрироваться особо не на чем: я в лучших традициях минимализма избавился почти от всего в комнате. Кроме просторной кровати-полуторки, стоящей в углу рядом с окном, и двери напротив него, видно только шкаф с одеждой, рабочий стол с погасшим монитором да вертикальную полку с книгами – от пола до потолка.

Шаг номер два: включить воображение на полную. Что ж, я представляю то одну, то другую сцену как из биографии По, так и из реалий Америки первой половины XIX в. Однако, хотя я относительно спокоен, то тут, то там небесную гладь сознания разрезают мысли-стрижи: я думаю об удачно подъехавшей маршрутке, о заботливых родителях, понятливых учениках, о том, какой прекрасный сегодня выдался вечер. Единственное, что омрачило этот на удивление приятный понедельник – я так и не смог созвониться с Катей. Сильно омрачило. А ведь если я сейчас засну – как она там? А вдруг она не сможет до меня дозвониться?

Но разволноваться всерьез мне не удается: не проходит и нескольких минут, как я проваливаюсь во мрак.

Глава 2

Понедельник, ночь

Тяжелая тьма обрушилась на меня резко. Я поднимаюсь с трудом, что странно: тела я не ощущаю. Я – лишь дух.

...И покоя мне нет никакого.

Но где я? Помещение очень темное. Потолок низкий. Пахнет сыростью, повсюду коробки. Что за ними – непонятно, непроглядный мрак, еще плотнее, чем тот, что меня окружает. Наконец я вижу небольшой сгусток света. Непонятно, откуда он берется. Как из воздуха. Миную его, вылетаю наружу.

Я на корабле.

Парусник с высоченными мачтами и трепещущими полотнищами парусов. По странному наитию вдруг понимаю, что нахожусь здесь добровольно – в какой-то момент я сам решил, что так будет лучше. По спирали набираю высоту и бросаю взгляд на воду, по которой идет корабль – но волн как будто и нет. Более того: нет воды. Судно просто движется сквозь туман и *по* нему. Резко пикирую от мачт вниз. Пытаюсь найти хоть какие-то призраки жизни на палубе, на корме, у руля, в трюме. Везде пусто. И в то же время... За спиной то и дело возникают тени, но повернешься – и они, мигнув расплывчатым силуэтом, не дав себя рассмотреть, исчезают.

Продолжаю обследовать помещения. Все сильнее ощущение, будто что-то не дает мне рассмотреть корабль целиком. Причина кажется гротескно абсурдной: корабль изначально нарисован очень грубыми, общими мазками. В нем нет... детализации?... Он так же расплывчат, как и испаряющиеся тени. Даже сырости в действительности нет. Я вообще уже не уверен, что и правда нахожусь на паруснике: обстановка слишком абстрактна.

Вдруг начинается движение. В этот момент я нахожусь где-то на верхушках мачт. Корабль ускоряется. Как и раньше, я скорее понимаю это, чем ощущаю. Не органы чувств подсказывают мне, а наитие.

Вдали, в бездне тьмы, чернеет воронка. Корабль несется прямо на нее, и вот я уже слышу рев воды. Стоп, какой воды, если мы плыли по *туману*? Но нет, все верно: по обе стороны от корабля колыхаются свинцовые волны. Наше судно продолжает держать курс на воронку. Оно несется к ниспадающему в бездну водовороту. На лицо летят холодные капли. Что-то будет. Не могу понять что. Тревоги нет, как нет и радости. Просто знаю: там что-то произойдет.

Корабль летит все быстрее и наконец проваливается в воронку. Та схлопывается в ту же секунду, а я остаюсь ни с чем.

И вдруг кто-то словно включает свет.

Теперь я понимаю, где нахожусь – на небесах. Не-бе-сах. Клубы воздуха, которые я раньше принял за туман, – на самом деле облака. Именно так они и выглядят, когда пролетаешь *над* ними.

Буквально в двух метрах от меня плотный облачный покров разверзается – и из него медленно вылетает очаровательное создание. Мне неизвестно ее имя, но я знаю: она мне нужна. Без нее я – никто. Мы связаны так, что стоит разойтись – и натянутой струной загудит цепь судьбы. Она любит меня. Мы должны быть вместе.

Вместе. Вместе.

Она касается моей руки. Глаза ее закрыты, а голова опущена. Пригибаюсь, чтобы взглянуть ей в лицо снизу вверх, но порыв ветра закрывает его прядью волос.

Набираюсь смелости, дотрагиваюсь ладонью до ее подбородка и подаюсь ближе.

Она послушно вскидывает голову – и резко поднимает веки. За ними лишь мрак и пустота. Мне нельзя посмотреть в ее настоящие глаза. *Пока* нельзя.

Глава 3

Вторник

– Сынок! Просыпайся! Завтрак остынет!

Слова дребезжат где-то далеко.

– Сегодня вторник! – не унимается ма. – У тебя по вторникам занятия раньше!

– Да встаю, встаю! – раздраженно мычу я.

Пора разлеплять глаза. В теле – легкая ломота. А вообще где эффект-то? Ничего особенного я не почувствовал. Ну вот огромный водоворот. Облака. Корабль, что плыл-плыл, а потом упал в воронку. И наконец, девушка. Лица не вспомнить, как ни старайся... Да и ладно.

Не знаю, что там они должны были дать мне, эти осознанные сновидения, да только ничего конкретного и проникновенного я не получил.

Окей, будем пробовать еще.

Но прежде – позвонить Кате. И почему она вчера вовремя не ответила? Протягиваю руку к подоконнику, где вчера оставил мобильный. О, смотрите-ка, аж пять пропущенных. Ну я ее сейчас отчитаю. Не успеваю набрать номер, как вижу на экране «Входящий от: *Катенька*».

– Ой, прости, я сначала над одним предметом работала, потом к психологии готовилась, потом еще. А потом пришла Лизка, мы с ней еще посидели – ее парень бросил, я никак не могла ее успокоить, а потом...

Я слушаю ее и думаю: как же это у нее так получается, а? Знает, знает меня как облупленного. И уже выучила, что самый верный путь к моему сердцу, когда я обиделся, – взять и признать свою ошибку. Но для виду все равно пожурить надо.

– Катя, ну как же ты так. Заставила меня волноваться. Я все звонил и звонил... Ладно. Обещаешь больше так не делать?

– Торжественно клянусь!..

Я сразу представляю, как она приподнимает правую руку; как вздергивает подбородок, из-за чего каштановые кудри слегка колышутся. Как же я по ней соскучился... Она что-то еще говорит, а я растворяюсь в собственных грезах.

– ...Ты меня прощаешь? – слышу я ее финальную фразу.

– Да как тебя не простить.

– Вот и славно! Как ты там?

– Неплохо, в общем-то. – Лежа на спине, беру телефон в левую руку, а правую вытягиваю. Кручу раскрытой ладонью – старая привычка танцора-народника. Старая, да приятная – мышцы отзываются на экспресс-растяжку приятной болью. – Вчера вот попробовал новую тему – осознанные сновидения. Слышала про такое?

– Да, бывало как-то. Кажется, Костик недавно...

Тут она резко осекается.

– Кто-кто? – переспрашиваю я. Образ девушки из сновидения вновь всплывает в голове, и я на секунду задумываюсь, рассказывать ли о ней Кате.

– К-костик, одноклассник мой. Нас несколько девчонок сидело перед парой, так он и упоминал, кажется, несколько месяцев назад об этом. Я тогда еще подумала: «Обязательно Марку рассказать надо, он ведь любит всякие штуки про сны», но как-то забыла.

– А-а-а, понятно. – Я сажусь в кровати. – А я вчера на одну статью наткнулся с инструкциями и решил не откладывать... Но вот прошла первая ночь – и пока особых результатов нет. Разве что устал. После сна устал, представляешь? Ладно, расскажу, если получится что-то толковое.

– Обязательно расскажешь!

– Еще как... – Снова ложусь на спину. – Ладно, пойду я собираться, а то сегодня на занятия надо бы пораньше.

– Давай! Уже совсем скоро увидимся. Целую!

– И я тебя! Пока.

Положив телефон обратно на подоконник, я начинаю растягивать вторую руку и думаю: люблю я все-таки ее. Вот люблю, и все тут.

* * *

Ненавижу опаздывать.

А именно это сейчас и происходит. Снова. Вот почему, почему у меня никогда не хватает силы воли с вечера: вовремя лечь спать, с утра поднять себя с постели, а потом не трещать подолгу с родней?

Но хуже всего то, что опаздываю я к одной из самых спорных моих учениц – Виктории. Эта серьезная особа очень переживает, если я вдруг задерживаюсь – не потому, что со мной могло что-то случиться, а потому, что тратится ее *драгоценное время*. Впрочем, кто учителя ужинает...

Ничего, нормально. Выбегаю на улицу. Добравшись до остановки осознаю, что лимит удачливости был, был да весь вышел, причем еще вчера: ни «газелей», ни «пежо» подходящего маршрута я не вижу. И ладно бы дело было только в этом – на остановке еще и толпа народу. И что-то мне подсказывает – им всем со мной по пути.

* * *

Представьте себе шарик. Он лежит в вашей правой ладони. Резина, из которой он сделан, настолько плотная, что несмотря на небольшой размер вы четко ощущаете его массу. А теперь вы зажимаете этот шарик между указательным и большим пальцем и начинаете со всех сил давить, давить, давить... Такой шарик – это я сейчас, пока иду нервным шагом от остановки к работе.

С одной стороны, на меня давит ответственность за то, что я реально сильно опаздываю на урок: двадцать пять минут – не шутки. Перенести занятие возможности нет. Кстати, мне только что стало понятно, откуда столько народу на остановке – еще не закончился утренний час-пик. И да, хотя я отправил Виктории развернутое сообщение, она ответила одним словом: «Жду». А уж я точно не жду ничего хорошего.

С другой стороны, меня здорово вывела из себя езда в переполненной маршрутке – сравнение с резиновым шариком никогда не было уместнее.

Добегаю до офиса, проношусь через главные двери, мчу по коридору. И молюсь, чтобы ученица не слишком негодовала. Резко торможу у нужной двери, делаю глубокий вдох и захожу в кабинет, залитый утренним солнцем.

– Здра-а-а-авствуйте, Виктория! – Улыбаюсь я во все тридцать два, на ходу снимая куртку.

– Хэ... Хэллоу!

Похоже, не так уж она и расстроена. А что, может статья, она и сама опоздала. Извиняюсь, обещаю, что больше не повторится, и решаю обсудить тему, которая нынче мне особенно интересна.

– Виктория, а что вы знаете про осознанные сновидения? – интересуюсь я на английском.

По ее лицу пробегает целая стайка эмоций: удивленно вскинутые брови, затем – легкая улыбка, потом – насупленность, в конце – качание головой.

– Марк, айм...

– Нет-нет, не надо, я в вас верю, вы справитесь!

Но что-то ни в какую.

– Хорошо, давайте начнем издаleка, – говорю я.

Почему-то не могу избавиться от одышки, что овладела мной еще у двери в кабинет. А сердце, сердце-то колотится! Вновь делаю глубокий вдох – и обращаюсь к ученице с вопросом полегче:

– Сколько часов в день вы спите?

– Оу, ай слип... слип ай... эбаут севен. Ор эйт. Й-йес. – Финальное «йес» она произносит не только с присущей жесткостью в «й», но и с утвердительным кивком.

– Хорошо! Скажите, а мягкая ли у вас кровать?..

* * *

Закончил. Пообещал в следующий раз начать пораньше. Проводил до двери и помахал на прощание рукой.

Теперь на очереди – «сестры».

Милейшие дамы: одна постарше – крепенькая крашеная блондинка, трудится в должности зам. директора на околোগазовом предприятии. Зовут Людмила. Вторая – Оксана, помоложе, работает в банке, начальником отделения. Более разбитная; иной раз может и матерное словечко – даром, что на английском, – вернуть в разговор. «Сестры» пришли ко мне на уровень Beginner – курс для самых-самых начинающих. И вот мы с ними планомерно, уже где-то с полгода, занимаемся.

Прогресс, надо признать, слабоватый. И тут же проявляется двойственность и, я бы сказал, парадоксальность результатов: Людмила старательно выполняет все домашние задания, выписывает новые слова, даже, в качестве бонуса, слушает в машине аудиотреки к курсу. Да только язык ей дается плохо.

А вот Оксане все дается легче – но она ничего не делает. От слова «вообще». Практически на каждом занятии обещает мне начать работать более ответственно, да никак.

– Что ж, дамы, давайте начинать. Есть вопросы по домашнему заданию?..

* * *

Так, вроде все прошло нормально. Даже успели немного посмеяться над свежим анекдотом о ком-то из политической элиты.

К слову об элите. Может сложиться впечатление, будто я в школе совсем один, однако это не так. Сегодня двух других работающих по найму преподавателей не было, зато пришла наша начальница, Наталья Андреевна.

Про эту даму стоит рассказать отдельно. Как и у любого человека, отмеченного предпринимательской жилкой, инициативная сила, смешиваясь с исполнительностью и профессионализмом, бьет из нее ключом. Она успела закончить местный лингвистический вуз – я подозревал, что с отличием, но она особо не распространялась, – переехать в Германию на несколько лет, влюбиться в немецкий язык, разочароваться в нем, вернуться в родные пенаты и на накопленные с родителями средства (но больше – на заработанные в Германии) открыть собственную школу «English breaks».

Как и любого прогрессивного предпринимателя, Наталью Андреевну должны были посещать мысли об открытии филиалов по франшизе своей школы, но эту мысль она в себе подавила. Все-таки школа языка – не кофе-ларек, который можно поставить где хочешь. Вопрос как минимум в кадрах, которые обучаются не год и не два. С другой стороны, мне грех жало-

ваться, меня-то взяли без педагогического образования – за красивые, так сказать, фразовые глаголы. Я хоть учился, но закончить-то не закончил.

От размышлений меня отвлекает знакомый голос.

– Марк! Нам надо поговорить.

У меня внутри все напрягается – настолько силен контраст между необычно суровым тоном Натальи Андреевны и моим расслабленным настроением от хорошо проведенного урока.

– Можешь заменить завтра Анечку? Она приболела, а Инженеру своему не хочет занятие отменять.

Да что ж такое-то. Неужели мой эмоциональный маячок дал сбой? Странно.

– Да-да, Наталья, конечно, как скажете. А во сколько он?

– Um zwölf Uhr.

– Сэй уо-от? – нараспев спрашиваю я. Ох и любит же начальница все эти немецкие прихваты. Да я и сам, хоть и не особо немецким владею, большой любитель обсуждения всяких лингвистических штук.

– В полдень, говорю.

– Хорошо! И никого переносить не придется: просто приду чуть пораньше.

– Вот и замечательно, – бросает она и принимается вызывать такси. Она спешит по делам в другой конец города.

Дела. У Натальи Андреевны всегда дела.

Начальница уезжает, а я выхожу в коридор перекинуться парой слов с дамой-администратором, сидящей на входе в офис. Тут же беру себе зерновой мокачино из кофейного аппарата и вскоре удаляюсь в один из кабинетов проверять вчерашние тесты группы Elementary. С ними на днях новое занятие – в среду, кажется. Или в четверг. Надо будет проверить расписание.

За кофе проверка идет бодро. Не успеваю моргнуть, как приходит последний ученик-индивидуал на Upper-Intermediate. Уже к семи я окончательно свободен.

* * *

Спустя час я оказался дома. Все больше из-за пробок, но был у моего затянувшегося пути еще один виновник – книжный магазин.

Есть за мной грешок: заскочив в книжный, я физически не могу оттуда выйти. Засасывает как в черную дыру, назад не вытянуть – ну никак, даже клещами. И, само собой, нельзя выйти без покупок. Так и в этот раз.

Прекрасно, просто прекрасно. Сама прогулка по городу с новыми книгами греет сердце, как практически ничто иное. Да-а, ты, быть может, отдаешь себе отчет в том, что за чтение примешься очень нескоро, однако все равно получаешь удовольствие от самого факта.

В этот раз моему настроению подыграла еще и погода. Хотя прямо над головой застыло огромное, почти черное облако поразительной плотности, достаточно было устремить взгляд вдаль – и в небольшой прорези между высотками виднелся проблеск. К нему медленно двигалось рыжее заходящее солнце. Небо там было еще голубым и так прекрасно контрастировало со сгустившейся надо мной грязно-серой массой, что не оставалось сомнений: «Ночь пройдет, наступит утро... ясное». А если приплюсовать сюда радость от книжных покупок, то на моем лице наверняка играла улыбка. Не удивлюсь, если прохожие принимали меня за «деревенского дурачка»: идет себе, лыбу давит. Весь мир ему нипочем, и ни одна проблема не может его покоробить.

* * *

Похоже, родители уже вернулись с работы... Хм, странно. Обычно они приходят позже. Разуваюсь, кладу книги на столик в прихожей и слышу из кухни неясные перешептывания. Вдруг разговор резко прерывается – тишина, как будто я спугнул собственных родителей. Прохожу в кухню.

– Мам, пап, о чем общались?

– Ой, да так, ни о чем особенном. Ужинать будешь? Я котлеток нажарила...

Как бы велик ни был голод, понимаю, что надо докопаться до истины – уж больно заговорщически они переглядываются, но, кажется, по-доброму. И даже улыбаются... Поинтересуюсь, пожалуй. И спровоцирую их на исповедь:

– Да ладно, признавайтесь уже. А то вдруг переживать начну...

– Ох, Марк, все тебе надо знать. – Мама, стоящая у плиты, опять переглядывается с папой. Глаза у того блестят. – В общем, дело такое: мы ЕДЕМ В ОТПУСК!

Мама еле сдерживает радость и бросается обнять отца. Тот, слегка подавшись в ее сторону, получает чмок в щеку и еще один – прямо в пышные усищи. За этот *moustache* я иногда зову его «Фридрих Аркадьевич».

– Да-а, сынок. Решили вот отдохнуть. Билеты взяли. В Европу. Надо же и мир посмотреть, – будто бы извиняясь объясняет отец.

В конце концов, мне удастся выяснить следующее: родители отбывают уже завтра и до последнего ждали – хотели сделать мне сюрприз. Ну и плюс было непонятно с визой, удастся им в этот автобусный тур по Европе попасть или нет. К счастью, визу дали, и поедут они как раз на неделю.

– Пап, мам, ну отлично же! Очень за вас рад. – А про себя думаю: а раньше не могли бы сказать? Мне бы жуть, как хотелось вырваться из города. Попутешествовать. Поболтать с местными – ученики, часто выезжающие за границу, рассказывают, что в Европе чуть ли не каждый второй сносно балакает на английском. Обидно, что не попадаю... Но виду не подаю. – Очень, очень рад. А пойдемте к компьютеру – посмотрим в интернете, что стоит посмотреть в городах, которые вы будете проезжать...

* * *

Незаметно подкралось время ложиться спать. Я по-прежнему во всем следую статье. Не забыл и про дневник – по указке автора еще утром я старательно перенес туда все детали сна о корабле. И про то, чтобы держать в руках свой «Артефакт» – эта штука должна помочь мне в сновидениях. Кошелек всегда при мне, а в нем среди монет есть особенно ценная – ее привез из Нью-Йорка один мой ученик. Смешно вспоминать, но я чуть не расцеловал его за магнитик, пару газет и вот эту монетку.

Монета – четвертак. Двадцать пять центов прямиком из Штатов, в которые я так силюсь и жажду попасть, да все никак.

Четвертаки бывают разные. Аж пятьдесят вариантов – по числу штатов. Мой ученик честно признался, что особо не выискивал монету со, скажем, Статуей Свободы (из штата Нью-Йорк) или с тexasской звездой. Мне достался четвертак из малоизвестного штата Мэриленд, расположенного на правом берегу – немногим ниже Нью-Йорка.

На монетке – ветки белого дуба, надпись «The Old Line State» и купол парламента Мэриленда. Именно ее я буду использовать, чтобы проверить, нахожусь я в реальности или все-таки брожу по глубинам осознанных сновидений.

Только что осознал: я ведь давно не связывался с Катей! Звоню, в этот раз – по скайпу. У них интернет там, в общежитии, с перебоями, поэтому не всегда удается урвать нормальную связь, чтобы пообщаться по-нормальному. На той стороне подняли трубку, но без видео: и в итоге я лишь смотрел на свое уставшее лицо. Как вдруг:

– Привет, Марк! Как ты там? – интересуется Катя. На фоне какой-то шум, но я не могу понять, какой.

– Привет, солнце. Слушай, нормально. А ты не включишь видео? Хочу на тебя посмотреть.

– Ой, ты знаешь, у нас здесь связь такая себе... Давай лучше голосом?

– Окей. – Пока он говорила, шум прояснился: кажется, я различаю отзвуки баса и разговоры людей. Но они где-то далеко, будто их и нет вовсе. – Ка-ать?

– Аюшки?

– А что это у тебя за разговоры на фоне?

– Разгов... А-а, ты об этом. Это Люда, моя одноклассница. Опять кучу народа у себя собрала. И ты прикинь: она не в соседней комнате, а через одну – и все равно слышно! Представляешь?

– М-да уж, даст она вам поспать сегодня...

– И не говори. – Катя делает паузу и, будто делая над собой усилие, спрашивает: – Как ты там, Марк?

– Да нормально вроде все. Сегодня вот вспоминал наш с тобой поход в тот бар, как его, с морским таким названием...

– Ты про «ВАРенцев»?

– Точно, он.

– Я помню. – В ее речи зазвучали нотки меланхолии. – Ты повел меня туда на нашем первом свидании.

– Тоже вспоминаешь? То-то же. А знаешь, я ведь от того вечера не ждал ничего особенного: ну привел девушку в бар. Думал, посидим, выпьем по бокалу пива, перекусим бургерами и разойдемся. А в итоге...

– ... в итоге мы ушли глубоко за полночь. И ты пешком проводил меня до дома через весь город.

– Так и было. И не зря: какое в ту ночь было небо! Мы шли, а у нас над головами купол черный, как нефть – и весь в звездах. Помню, я еще удивился: вроде не за городом, а световое загрязнение совсем не мешает.

– Да. Я тоже это помню. Ты еще показывал мне созвездия: обеих Медведиц, Пояс Ориона и Кассиопею.

– Ну да, просто это все, которые я помнил из детства – вдобавок их очень просто найти. – Мои губы сами по себе растягиваются в улыбке. – А потом мы стояли у твоего подъезда. И целовались, долго-долго. Наконец, тебе надо было идти. Я еще немного постоял под окнами, помахал тебе в окно, когда ты выглянула, и двинул домой – как раз начало светать. Ты помнишь?

– Помню, Марк. Конечно, помню. Классный был вечер. – Катя держит паузу. Паузу длинной в вечность. Но вот она заговаривает вновь, ее тон неуловимо меняется и на фоне будто снова включились бэкграунд-басы и притушенная речь. – Знаешь, мне нужно идти. Ты там поосторожней со своими сновидениями! Обнимаю, крепко-крепко.

– И я тебя, Катя. – Говорю я белому чату, что появляется по окончанию звонка. – И я тебя.

Разговор завершен, и я со спокойной душой выполняю все задания из статьи. Еще несколько раз озвучиваю аффирмацию «я не сплю» перед самым сном.

Постелив кровать, забираюсь под одеяло. Телефон вместе с монеткой Мэриленда – рядом, на подоконнике.

Обновляю будильник, чтобы тот меня разбудил ровно через пять часов. Надеюсь, все получится.

Удачи мне. Осознанной сновиденческой удачи.

Глава 4

Вторник, ночь

Он пялится на меня.

Несмотря на потертости, глаза-провалы и косой силуэт, для своих лет он выглядит сносно, даже более-менее дружелюбно. Но вместе с тем – он *пялится* на меня. Он, этот грузный серый особняк.

Я внимательней всматриваюсь в двухэтажного незнакомца. Строгие очертания, аккуратные угловые башенки, широкая лестница, ведущая к массивной входной двери, и два огромных окна по бокам – как раз они и создали жутковатый эффект слежки.

Однако помимо гнетущего «взгляда» есть в здании и нечто сверхъестественное: оно словно состоит из множества серых осколков, которые, замерев на несколько секунд, разбегаются, вращаются и собираются вновь. Разошлись, покрутились, собрались. Разошлись, покрутились, собрались. И еще цикл. И еще, и еще... Внезапный минорный аккорд обрывает трансформацию. Здание вновь становится цельным – но я все равно воспринимаю его как что-то вроде расплывшейся проекции.

Делаю несколько шагов по крыльцу и, подобно Христу из двадцатой главы Евангелия от Иоанна, не прохожу, но бесплотно пролетаю сквозь дверь. Кажется, так обычно и бывает в снах.

Оглядываюсь, рассматривая мрачное убранство дома. Это непросто, ведь сознание продолжают беспокоить странные эффекты: теперь кажется, что стены постоянно меняются, текстуры плывут. Вдали виднеется стенной шкаф с древними фолиантами за стеклянными створками. И все в постоянном движении, изменении... Завороженный неопределенностью, я размеренно вышагиваю по первому этажу.

А вот и длинный коридор. Двери – много дверей; все на равном расстоянии друг от друга. Дергаю одну ручку, пытаюсь открыть – ничего. Другую – то же самое. Внутри пробуждается чувство ненужности, я мечусь, не зная, куда себя деть. И вот, после прогулок по первому этажу и бесплодных попыток войти хоть куда-то, я возвращаюсь к главной двери и обнаруживаю, что она исчезла.

Подхожу к тому месту, где стоял несколько минут назад, но вижу лишь кусок стены, испещренный непостоянством узоров.

ДЗЫНЬ!

Я оборачиваюсь и наблюдаю шикарное зрелище: огромная, широченная лестница на второй этаж. Там, наверху, она ветвится вправо и влево. Но звук, который привлек мое внимание... Откуда он? А вот же они, осколки ваз, прежде стоявших на столиках по бокам от первой ступени. Похоже, кто-то разом разбил их – только так можно объяснить синхронные звуки падения... Но, погодите: что же это? Вазы еще летят! Они еще не упали!

Я в смятении делаю несколько шагов. Вазы полужастыли-полуполетят навстречу судьбе. В миг, когда они уже должны соприкоснуться с полом, вазы начинают мелко вибрировать и, подобно солдатам, вернувшимся на посты, летят назад, к столикам.

Перестав удивляться происходящему в особняке, я ступаю на лестницу. И передо мной появляется *она* – девушка из предыдущего сна.

Удивительна моя первая мысль: если бы я не описал незнакомку в журнале сновидений – хотя бы в общих чертах, – я бы ее точно забыл. Но я описал. А значит, помню. Помню эти роскошные вороньи волосы. Закрытые глаза. И странный ореол.

Моя бестелесная фигура замерла в оцепенении. Я не знаю, что делать. Мне нужно к ней. Но едва я заносу ногу над ступенью, как девушка распадается на двух: одна в красном, вторая в синем. И они уходят в противоположных направлениях.

Мое тело слегка приподнимается, и я, летя за той, что в синем, сливаюсь с бесконечной судьбой.

Глава 5

Среда

«*Та-та-та-да-а-а!*» – ревет будильник на телефоне, вырывая меня из сна, порожденного, казалось бы, эпизодом из первой «Матрицы». Да и чувствую я себя сейчас так же, как Нео, очнувшийся в одной из миллионов капсул – даром, что без штекера в затылке и слизи по всему телу.

Не хочется даже высовываться из кровати – голова раскалывается. А судя по виду из окна, погода меняется. От вчерашнего солнца не осталось и следа; небо затянуто облаками.

В комнату входит мама и напоминает, что в четверг они с отцом уезжают отдыхать. В голове проносится картина: родители, лежа на пляжных шезлонгах, чокаются коктейлями и улыбаются жаркому солнцу – а я растянулся на кровати и так страдаю от головных болей, что мечтаю поскорей умереть.

Мама выходит. Сажусь, но пока не встаю. Кажется, могу и завалиться на бок, будто пьяный. Хоть не тошнит! Но вот вопрос: почему мне так плохо?..

Странные дела с этими осознанными сновидениями: в статье написано, что я должен осознавать свое пребывание во сне. Так и есть. Но в то же время осознаю я и другое: во сне нет никакого Марка. Я будто становлюсь другим. Неким незнакомцем со своими мыслями, страхами и желаниями. Более того: во сне у меня *нет своих воспоминаний*. Я не знаю этого человека, но чувствую, что он – это я.

Звонит телефон. Это Женя.

– Ну что там, Марк? Идем сегодня тусить?

– Не, Жень, давай-ка без меня.

– Э-э-э, погоди-ка. В смысле «без меня»? Ты же сам предлагал...

– Может и предлагал. Сорри, сегодня никак.

– Ясно. Прокидываешь, значит, старого друга. Ну ладно, бывай.

Короткие гудки.

Женя не обидчивый. Женя поймет.

Не могу отделаться от чувства, что я что-то забыл. Ну ладно. Топаю до кухни, нахожу записку на холодильнике. Ровный мамин почерк: «Уехали папе за одеждой. Суп в холодильнике. Будем к вечеру».

Достаю кастрюлю, ставлю на плиту. И тут же убираю обратно – потому что вспоминаю про замену, которую обещал Наталье Андреевне.

* * *

Черт, совсем опаздываю. И не хочу сегодня работать.

Тут вспоминаются слова одной из моих коллег. В какой-то из первых рабочих дней, когда я врывался на каждое занятие со свойственной всем неопитам энергией, она сказала: «Знаешь, Марк, настанет день, когда то, что тебя сейчас так увлекает, станет поперек горла – и преподавание будет не в радость».

Кажется, она что-то говорила про *серость*... Смеюсь. Говорят, что у девчонок, которые начинают работать вместе, синхронизируются менструальные циклы – похоже, и у меня настрой попал в унисон с серым небом, затянутым серым декадентным полотном. Но хватит тормозить, надо двигаться.

Спускаюсь по лестнице, выхожу из дома. Черт, как-то я легко оделся для такой холодной погоды. Вспомнил, как мама, выходя из дома раньше меня, обязательно звонила и говорила: «Маркушенька, на улице холодно! Оденься потеплее». Что ж, в этот раз ей немного не до меня.

Силюсь убедить себя в том, что освежающий холод меня взбодрит. Да и вообще, «надо мыслить позитивно». Бреду до остановки. Почти сразу понимаю, что бодрости не прибавляется. Голова гудит. Надо было отменить занятие. Вряд ли я нормально предстану перед тем инженером, мегапозитивным парнем, у которого к тому же высокий уровень языка.

Забираюсь в маршрутку. Заплатив и нахохлившись на сидении, оглядываю публику. Вы любите рассматривать людей в общественном транспорте? Вот у меня, например, очень долгое время в голове была мысль: а что, если бы сняли отечественный аналог сериала «LOST», да только о людях, которые вдруг ни с того ни с сего оказались вне времени, или на фантастическом острове, или типа того. Да только все они были бы объединены одной маршруткой. И там чтоб мама с маленьким сыночком. Грозный лысый бугай. Две, а то и три бабки. Парочка студенток. Случайный делец средней руки. И чтоб у всех – свои секреты.

Смотри-ка, Марк, а ты уже оттаиваешь! Может, еще и по поводу сна порефлексируешь? Хм, вот интересно, может ли мое изменившееся состояние быть как-то связано с тем, что я начал практиковать ОС?

Не уверен, но наверняка знаю одно: я совершенно точно стал погружаться лучше и глубже. Вещи, которые мне сегодня померещились, не отличались идеальной четкостью, но я крепче слился со своим сновиденческим «эго»... Хоть и ощущаю себя кем-то еще. Будто надел по ошибке чужое пальто: смотришься в зеркало – и не узнаешь самого себя.

Жажда проскроллить ленту мгновенно одерживает победу над психологической рефлексией. Залипаю в телефон, просматриваю новости. В паблике «Типичный Литератор» выложили статью про По. Во, как раз моя тема. Почитаем.

«Ворон» мог и не быть стихотворением. Сами посмотрите на темы, которые в нем поднимаются: полночь; томная дремота; неназванный старый том; состояние, в котором человек вот-вот отойдет ко сну. Эти мотивы По не раз использовал в своих рассказах. Взять и отрицание сверхъестественного посетителя – да это самая настоящая “Лигейя”! Или это мог бы быть Родерик Ашер. А то обстоятельство, что Ворон сводит с ума несчастного? Точно так же персонажи эдгаровской прозы терпят психологический крах из-за таких вещей, как черные коты или громкий стук (казалось бы мертвого) сердца. А в случае “Ворона” дополнительный эффект достигается как раз за счет того, что помещены эти темы в поэзию. И в итоге мы имеем стихотворение с запоминающимся ритмом, с понятными рефренами, но при этом без ужаса, который можно назвать отвратительным. Это поэма, которую может прочесть и оценить по достоинству что взрослый, что ребенок».

Про повторяющиеся мотивы автор верно подметил. Впрочем, говорят, По повторно использовал сюжеты еще и потому, что пытался заработать денег не только работой редактором в разных журналах, но и как раз писательством. А деньги были еще как нужны: надо ведь позаботиться о Вирджинии, любви всей его жизни...

Кстати о любви – совсем с Катей забыл списаться.

«С добрым, любимая! Как ты там?»

Ответ приходит практически мгновенно: «Привет. У меня все хорошо:) На учебе. Почему не позвонил?» Я пишу: «Сорри, совсем забегался, на урок опаздываю. Созвонимся чуть позже?» Она отвечает: «Как знаешь: Р Я дальше лекцию слушать». И немного погодя: «Люблю тебя». «И я тебя», – отправляю я ей.

Текст про По и этот разговор немного привели мысли в порядок: на душе легчает. Как вдруг – еще одна смс-ка. От Натальи Андреевны. Ох, ну и схлопочу же я сейчас...

«Марк, ты помнишь про урок с Сергеем в 11?»

Только я заночу большие пальцы над цифровой клавиатурой, чтобы расплыться в, честно говоря, мало что значащих извинениях, как вдруг... Одиннадцать! Боже ты мой! На часах же еще только 09:45. Я и правда забыл, да только в свою пользу.

«Конечно помню, – пишу в ответ я. – Даже приеду пораньше, чтобы не опоздать».

И про себя думаю: «Отлично, отлично». Зарядившись надеждой, даже расправляю плечи – все как говорила женщина из TED-выступления про связь между осанкой и уверенностью в себе. Жаль, соседи по маршрутке не оценили мой ход: один уже недовольно кряхтит, а другая одарила прожигающим взглядом.

* * *

– Hi there! – приветствую я ученика.

– Hello! How are you? – уверенно отвечает Сергей. Голос у него слегка высокий, но, надо сказать, ничуть не писклявый.

Урок проходит хорошо. Сергей – ученик выдающийся. Его ждет большое будущее в английском языке, хотя, казалось бы, куда уже выше. Откуда результат? Врожденные способности плюс исправное выполнение домашних заданий. Вот и сейчас он сдал эссе о влиянии интернета на современные аспекты жизни людей, а я пообещал передать текст моей коллеге, которая ведет у Сергея постоянно.

По нему видно, что человек любит то, что изучает. Он даже уже начал подрабатывать переводом видеоигр для одной вполне себе известной компании. Парень определенно кайфует от всего, что связано с языками: не прочь почитать книги на английском, периодически посматривает фильмы и сериалы в оригинале. Метод из Oblivion в действии – и результат не заставил себя долго ждать.

Надо будет обсудить с коллегой возможности Сергея: может, стоит усложнить ему уроки? Не только давать задания из более продвинутых курсов, но и чаще устраивать тренировки на время?.. Чтобы, например, он пересказывал главные события вчерашнего дня, причем строго за минуту и ни секундой больше? Подобное ограничение прекрасно повышает навык говорения – проверено на себе! В конце этого урока я и так дам ему задание побольше, чем обычно задает моя коллега. Все потому, что Сергей – из учеников «с особенными потребностями». Но не в том смысле, что он «альтернативно одаренный» (ну и странный все-таки термин), а в том, что к нему нужен *особый* подход. И его-то мы парню и обеспечим.

Помню свои занятия в педде. Как и любая другая филологическая группа, наша состояла в основном из девушек. Не раз и не два ловил я их взгляды – и если бы восхищенные! О нет, там было *удивление*, сменявшееся *злостью*. А как иначе: ведь в лучших традициях *teacher's pet* (так на английском зовется любимчик учителя) я то и дело просил у преподавателей побольше домашки. Например, когда они задумывались «Хм-м, а сколько бы минут подкаста вам сегодня задать?..», я частенько ворчал, что трех минут мало – а потом удивлялся, почему одгруппники не хотят со мной обедать. Ну и ладно. Зато за расшифровкой новостных подкастов BBC (адрес bbc.co.uk/podcasts помню до сих пор!) я провел немало приятных часов.

В конце урока с умничкой Сергеем рекомендую ему тот самый сайт с подкастами, даю домашку и прощаюсь. На очереди – Юля.

* * *

Юля – девочка непростая. И дело не только в том, что родители позволили ей покраситься в ярко-лиловый в столь юном, по-хорошему – детском возрасте. И не в том, что Юля очень способная и выполняет домашку. Нет-нет. Она непростая потому, что мне иногда кажется: в ее голове заключен разум взрослой женщины.

Серьезно, ей никак не может быть десять! Разве что по свидетельству о рождении или по внешнему виду можно было бы так решить, но никак не по ее речи. От какой еще десятилетней особы можно услышать рассуждения о политических перестановках в стране? Или о роли того или иного философа в развитии крупнейших европейских держав? Вот и я думаю, что ни от какой. А с Юлей вы запросто побеседуете что о «политических» сидельцах, что о Пражской весне 1968-го.

И вот она сидит передо мной, эта взрослая женщина в теле ребенка. Из колонок льется речь с британским акцентом, Юля усердно вписывает пропущенные слова в предложения. Даже в этом ученическом действии сквозит утонченная статность – ни дать ни взять светская львица. Трек заканчивается, и Юля веским, деловитым тоном, столь несвойственным девочкам ее возраста, обращается ко мне.

– Mark, I'm ready, – информирует она меня о своей готовности, и мне трудно не заметить грустную музыкальность ее голоса.

* * *

После занятия за Юлей приходит отец – бледный и, как обычно, одетый в черное. На его лице всегда маска легкой грусти, но сегодня он особенно печален. Юля, вежливо поздоровавшись и кивнув, спрашивает:

– Папа, а можно мне кофе? – Это звучит так, будто Юля с отцом на равных.

– Юлечка, даже не знаю, там же столько кофеина...

– Вы знаете, Юля сегодня так хорошо поработала на занятии, – пытаюсь помочь девочке я.

– Ну хорошо, держи. Сдачу оставь себе.

Юля улыбается, сжимает в кулаке купюру и уверенно идет к автомату. Он несколько поодаль от учебных кабинетов, и, дабы сгладить возникшее между мной и Юлиным папой неловкое молчание, я бормочу что-то банальное, про погоду, как вдруг...

– Вы знаете, – вздыхает он. – А ведь Юленька *так* похожа на маму.

От того, с каким сожалением он смотрит на дочь, мне становится грустно и не по себе. Вспоминаю: после одного из первых занятий, приметив, что Юлю всегда приводит папа, я имел неловкость поинтересоваться, где же работает мать ребенка. Отец Юли ответил, что нигде. Мне хватило одного взгляда на его помрачневшее лицо, чтобы не лезть больше с глупыми расспросами.

А то, как сам папа смотрит на дочку... Прямо сейчас она стоит в стороне, лакает кофе из пластикового стаканчика и глядит в окно, а он глядит на нее не столько с любовью, сколько со странным отторжением, будто девочка эта – и не его вовсе; но не в том смысле, что от другого мужчины – а в том, что не от этого мира.

Я вам даже скажу еще одну вещь. Стороннему наблюдателю, который не знал бы о нежнейших отношениях между отцом и дочерью, эта вещь могла бы показаться еще более странной. Дело в том, что иногда папа смотрит на Юлю так, будто... будто узнает в ней человека, вернувшегося из мертвых.

Юля возвращается радостная, даже капельку больше похожая на ребенка. Подойдя к нам, опрокидывает стаканчик финальным залпом и выбрасывает в урну. Я прощаюсь и возвращаюсь в главный кабинет – можно сказать «учительскую».

Хм, странно. Опять я совсем один. Что же, сегодня больше никто из преподавателей не придет? Та-ак, ладно посмотрим расписание... И правда. Занятий нет ни у Натальи Андреевны, ни у двух других преподавательниц, ни у меня. Замечательно же! Перспектива поскорее вернуться домой несказанно радует. Но перед этим надо выполнить еще одну типично преподавательскую обязанность.

Настал мой черед дойти до кофейного аппарата: взять «зерновой» мокачино и вернуться в кабинет. «Топливо» набрано, пора трудиться – проверять тесты учеников. Я располагаюсь у большого овального стола, разложив на нем распечатки с правильными ответами: не важно, какого уровня работы я проверяю, рядом всегда лежат «ключи» на всякий случай.

Так-так-так, где у нас первая работа? И? Что же это? Батюшки, ну по классике же парень пошел! «He have two dogs». Нельзя же так писать, третье ведь лицо единственное число в Present Simple. HAS, разумеется.

...Внезапная мысль: к чему мне снился особняк? Странный он, будто в викторианской Англии. И это неопределенное ощущение, что он мне подозрительно знаком, будто я его уже видел. Или, что еще более странно... Будто я уже кому-то о нем рассказывал, кому-то его описывал...

Так, ну а в этом упражнении? «There are a flower in the vase». На ум прискакало бессмертное картменовское «How do I reach this kids?». И обязательно чтобы с его фирменной интонацией. «Ну что ты будешь делать с этими детьми!» – думаю я по-доброму. Ладно, на следующем занятии как раз и начинаем с разбора ошибок в тесте. Пусть раз и навсегда уже запомнят: в конструкции There is // There are, что указывает на наличие чего-то где-то, для одного предмета (a flower же!) ставим THERE IS, а для нескольких – THERE ARE.

...И то, как я себя чувствовал в этом сне... Вот с чем мне нужно разобраться. Кажется, я и испытывал ощущение, что у меня все в порядке и я контролирую ситуацию – наверное, помогло точное следование инструкциям из статьи. Но вот, что подозрительно – одновременно я ощущал, будто это и не мои воспоминания вовсе. Будто мне снится чужой сон...

Смотрим следующую работу. Ага, все те же ошибки, но есть и парочка новеньких. Вот здесь, скажем. Ну кто так слова расставляет? Ну и с чего вы взяли, что ответом на «Who did that?» будет «No, she wasn't»?.. Да-а, надо будет еще разок прогнать Past Simple с ребятами...

...Но это странное недомогание поутру... Я же читал про возможные побочные эффекты от осознанных сновидений, но не помню, чтобы там упоминалось столь скверное самочувствие...

Еще ошибка, с can. Тоже проходили, совсем недавно. И практиковали этот модальный глагол. В задании просят общий вопрос, значит пишем «Can he go...»

...Ну а что до внутренностей дома? А та девушка? Кажется, в этот раз я смог рассмотреть ее чуточку лучше... Такие черные волосы. Острые черты лица... Нет, точности не было, все как в тумане. И глаза. Совсем не видно глаз. Они за каким-то маревом. И сейчас, когда я вспоминаю тот сон, из глубин подсознания приходит образ, которого – я точно помню! – в самом сне не было: девушка еще одна, не разделилась надвое, и она, сомкнув веки, то кладет ладони на лицо, то убирает их. То кладет, то убирает. И все же, те два цвета, алый и синий: что бы они значили?..

М-да, ошибок и впрямь много: эх, иногда так и хочется крикнуть голосом Картмана «HOW DO U REACH THESE KEEEAHANDS?!»

И тем не менее передо мной стоит важный вопрос: возвращаться ли в миры сновидений? Надо ли рисковать еще раз? И вообще, не забыл ли я, для чего все начал? Цель-то была получить узнать Эдгара По. Понять, что он за человек. Вспомнить – как мне казалось, без особых трудов – его биографию, воссоздать в памяти то, как именно он выглядел, его манеры, интонации, черты. А там, чем черт не шутит, может, даже выпить с ним... Но только чуточка. Иначе может случиться непоправимое, и – о ужас! – великий Эдгар По кинется на меня с кулаками. А нам ведь такие проблемы не нужны, верно? Даром, что они будут лишь во сне.

Все, настроились. План такой: допроверить оставшиеся работы, а затем встретиться с Женей, моим давним, немного консервативным другом. Я нагрубил ему с утра и отменил

встречу, хотя сам же до этого его и пригласил... Надеюсь, он не успел занять вечер чем-то еще. Сяду с ним, расскажу, как у меня дела с осознанными сновидениями. Глядишь, он даст дельный совет или просто поддержит. К тому же мы давно не виделись, а, что ни говори, дружба – это растение, требующее постоянной подпитки.

Потом поеду прямо домой, читать биографию По и, возможно, готовиться к вечернему сеансу. Может, удастся повидаться с Эдгаром? Пускай он будет совсем уж юнцом? Или же попытаться повстречать кого повзрослее? Ладно посмотрим. Я еще не уверен, удастся ли избавиться от кораблей, облаков да непонятных домов и сконструировать собственный сон. Во всяком случае, поработав с фактами из биографии, я постараюсь перенестись в то место, которое интересно мне.

* * *

Сидя в уютном полумраке кафе и задумчиво помешивая только что поданный капучино, я всматривался в лица немногочисленных посетителей и вспоминал, сколько всего мы с Женьком пережили, как в школьные годы, так и после.

Взять, к примеру, двух девушек в дальнем углу кафе, ближе к барной стойке. Я гляжу на них, и передо мной оживает тот славный день, когда я наконец-то набрался смелости и позвал девчонку из школы – парой лет младше или всего на один класс, уже и не упомнишь – в кино. Звали ее Ксюша. И все бы хорошо, но рядом с ней у меня натурально дрожали коленки, да к тому же мысли путались так, что жуть. Вот я и ляпнул, не хочет ли она пойти с подружкой. Кажется, я употребил термин «дабл-дейт». Двойное свидание.

Ксюша ответила: да, мол, подружка точно будет рада. Вот и пошли. Боже, как же я тогда был влюблен. В те недели, месяцы, что я лютейшим образом сох по Ксюше, она казалась мне воплощением грации и красоты. Я даже брался за стихосложение, в лучших традициях втюренных подростков слагал вирши с пассажами вроде «длинноногая Афродита». Писал я тогдашний, а стыдно мне сегодняшнему.

Итак, настал день свидания. Мы вчетвером встретились у кинотеатра. Я выдал Женьку и девчонкам билеты. Зашли, заняли места. И началась самая настоящая пытка: в лучших традициях гипертрофированного джентльменства я ждал хоть каких-то знаков от Ксю, но напрочь их не видел – а без знаков продвигать свою армию на ее позиции мне казалось как-то не комильфо. И так все два часа занудного исторического фильма. Вышли, немного погуляли по городу вчетвером... И разошлись по домам. Так у меня с Ксюшей ничего и не вышло. А Женя позже не раз и не два делил со мной бокал, выслушивая мои стенания.

Или вот еще: за соседним столиком что-то лихорадочно строчит в телефоне суровый мужик в костюме. Лысина блестит, что твои ролексы. Этот блеск наполированной маковки напоминает мне еще один случай – как Женек, поддержав очередное мое увлечение, чуть не получил за это люлей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.